

Полина Раевская, Мария Абдулова

**Новогодний скандал:
инструкция по выживанию
для виноватых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Р16 **Раевская П.**
Новогодний скандал: инструкция по выживанию для виноватых / Полина Раевская, Мария Абдулова – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 220 с.

ISBN 978-5-524-00752-0

Между ними тринадцать лет совместной жизни, двое детей и перспектива празднования грядущего Нового года в окружении горячо любимых родственников. Каждый хочет провести его по-своему: она - не испортить родным праздники новостью о разводе, а он - во что бы то ни стало не отпустить ее и сохранить семью.

ISBN 978-5-524-00752-0

© Lennex Corp, 2026
© П. Раевская, 2026

**Полина Раевская,
Мария Абдулова**

**Новогодний скандал:
инструкция по выживанию
для виноватых**

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Раевская П., Абдулова М.

Р16 Новогодний скандал: инструкция по выживанию для виноватых / Полина Раевская, Мария Абдулова. – М.: Литнет, 2026. – 220 с.

ISBN 978-5-524-00752-0

Между ними тринадцать лет совместной жизни, двое детей и перспектива празднования грядущего Нового года в окружении горячо любимых родственников. Каждый хочет провести его по-своему: она – не испортить родным праздники новостью о разводе, а он – во что бы то ни стало не отпустить ее и сохранить семью.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00752-0

© Литнет, 2026
© Раевская П., 2026
© Абдулова М., 2026

Глава 1

Диля

«Буду через десять минут»

Диля мажет взглядом по экрану с уведомлением о смс и тянется к кашемировому шарфу стоимостью в среднестатистическую зарплату в провинциальном городке их великой и могучей.

Если муж сказал, что будет дома через десять минут, значит, стоит его ждать на пороге минут через пять. В конце концов, в этом весь Григорий Кобелев – переиграть и уничтожить, быть на шаг впереди всего мира и сделать всё по-своему, наплевав на чужие мнения и ожидания. Потому что что?

Правильно. Ваши ожидания – ваши проблемы. И она за годы совместной жизни знает все его привычки наизусть, даже лучше, чем себя саму, наверное, но сегодня, впервые за эти самые годы, потакать им не собирается.

Собирает детей, изнемогающих от нетерпения увидеть своего горячо любимого отца, вызывает консьержа для помощи с багажом, благо статус элитного ЖК, где они проживают уже четвёртый год, и не такое позволяет, и спускается вниз, аккумулируя все внутренние ресурсы, силы и терпение на предстоящие новогодние выходные в компании семьи, друзей и мужа. Скорее всего в ближайшем будущем бывшего мужа, но это пока неточно. Не решила ещё... Думала-думала и...

– Папа! Папа! – голоса наперебой дочка с сыном и, отпустив её ладони, на всех парах несутся к только вышедшему из своего огромного, блестящего на солнце Рендж Ровера, отцу.

Он весь в чёрном: в одном тонком пуловере, джинсах и кроссовках, несмотря на минусовую температуру. На глазах солнцезащитные лимитированные Рей-Бен, на левом запястье стоящие целое состоя-

ние Ролексы, а на безымянном пальце правой руки – обручальное кольцо, что невольно вызывает у неё горький смешок.

Ну, надо же, какая честь! Посмотрите только на него! Муж года, не иначе! Где красная дорожка с аплодисментами? Почему не подготовились?

– Дилара Каримовна, я грузу или...? – консьерж, поравнявшись с ней, дежурно улыбается и неловко переступает с ноги на ногу, косясь на возящегося с детьми неподалёку Кобелева.

– Конечно, – она, поправив скрывающие половину лица, свои солнцезащитные очки от Диор, кивает и растягивает губы в ответной дежурной улыбке. – Спасибо вам.

Мышцы лица слушаются с трудом, будто Дилара переборщила с филлерами, ботулотоксинами и прочими косметологическими процедурами, и улыбка быстро уходит в небытие.

В этот же самый момент муж поднимает голову и смотрит прямо на неё. Жадно так, с толикой недовольства из-за самоуправства и приговором «моя-моя-моя» в такт в миг участвовавшему сердцебиению. Как раньше...

Она чувствует это, даже не видя его глаз, и в носу предательски щиплет, вот только плакать уже нечем, да и смысла в этом особого нет. Слезам, как известно, большие города не верят, а такие, как Кобелев, их не стоят.

– ...мы хотим покататься с горки, пап!

– А ещё на коньки!

– И на снегоходе поездить, как тогда, папуль, помнишь?

Двойняшки перекрикивают друг друга с блеском в глазах похлепке сверкающего на солнце снега и отлипая от отца явно не собираются, что, впрочем, Диле только на руку. Не потому что от детей устала, а потому что пока Кобелев занят ими, её гордость с сердцем, разбитым, раненным, болеющим, залатанным гнилыми нитками из самообмана, в какой-никакой безопасности.

– Добрый день, Григорий Александрович, – с тем же дежурно-почтительным выражением приветствует его консьерж, толкая тележку с их чемоданами ближе к машине.

Натянув шарф повыше, Диля с неественно прямой спиной, чеканя шаг, тоже направляется вперёд, но невольно сбивается, когда слышит хрипловато-грубый, низкий, родной до невозможности голос:

– И вам не хворать.

Спешащая мимо холёная блондинка в ярко-красном пальто со стаканчиком в руке из кофейни, располагающейся в нескольких метрах от них, не может не попасть под его очарование и, в открытую залипнув на Кобелева, замедляется, встряхивает обесвеченными локонами и выпячивает и без того пухлые, благодаря Дилиным коллегам, губы.

В них примерно два миллилитра гиалуронки и три слоя красной помады с контурным карандашом, а у самой Дилары пальцы, спрятанные в карманы шубки от ветра, невольно сжимаются в кулаки, потому что...

Потому что неужели он и с ней тоже?

Когда? Где? Или... Или всё же нет? Тогда... Почему она на него смотрит ТАК?

Хотя глупый вопрос, конечно. Какая здоровая, адекватная женщина не обратит внимание на представителя противоположного пола под два метра ростом, комплекцией шкафа и энергетикой «прогну под себя этот мир и тебя заодно», упакованного в статусные тряпки и с дорогушей тачкой на фоне?

Григорий Кобелев – это не современный метросексуал с модной зализанной укладкой, крашенными ногтями и перекроенным под тренды глянцевого мужской красоты лицом, соблюдающий безуглеводную диету.

Он – та самая женская ожившая мечта о «настоящем нормальном мужике» с зашкаливающей самцовостью, аурой «я всё решу, детка», сногшибательной харизмой и убойным обаянием.

Человек с властью, силой и очевидным успехом, который сделал себя сам, исключительно на своём упорстве с упрямством, смекалке, уме, подвешенном языке и каком-то нечеловеческом везении,

и теперь, оказавшись на вершине, брал от этой жизни всё. И, самое смешное, что это не фигура речи, не тщательно продуманный образ и даже не Дилино субъективное мнение, а самая что ни на есть неоспоримая данность. Он всегда был таким и совершенно ясно, что таким и останется до конца своих дней.

Всегда в центре внимания, хоть в ширпотребе с рынка, хоть в шмотках из ЦУМа. Всегда на коне. И, ещё пару месяцев назад, она была уверена, что навсегда только её, но... Увы и ах.

В груди больно колет, и Диля ускоряет шаг, насилу смотря строго прямо.

Пусть делает что хочет и с кем хочет. Хоть с этой в красном пальто, хоть с молоденькой баристой в той самой кофейне, хоть снова с той, рыжей, с которой. ...

– Жизнь моя, – прилетает рокошущее, нежное, знакомое от и до, как обухом по голове, когда Дилара равняется с ним и тут же оказывается в бесцеремонных медвежьих объятьях. – Привет.

Глава 2

Диля

Внутри всё обрывается.

Вместо свежего воздуха его запах, вспарывающий напрочь её внешнюю холодность с деланным равнодушием, а вместо сибирского декабрьского мороза жар его тела, закрывающего от порывов ветра.

Горячее дыхание щекочет волосы на виске, щетина привычно царапает щеку, но контрольным – поцелуй в уголок губ, от которого она вопреки ощущениям превращается в безжизненную глыбу льда.

После всех всплывших подробностей о кобелевском времяпрепровождении вне стен дома это должно быть мерзко, и она, действительно, чувствует отвращение, но по сравнению с болью, жгучей обидой и разочарованием, что бушуют в ней подобно цунами, оно отзывается жалкими отголосками.

– Отпусти. Меня. Сейчас же! – приказывает отрывисто, но без толку. Гриша, как обычно, её не слышит. Он лишь стискивает своими ручищами сильнее, прижимая к твёрдой груди, и, зарывшись носом в распущенные волосы, глубоко вздыхает.

– Почему не дождалась? Я же сказал, что поднимусь за вами.

– Как видишь, мы без тебя прекрасно справились сейчас и справляемся в целом.

– Жизнь моя, ну, не бузи... Договорились же.

– Мы договорились не портить семье и детям Новым год новостью о нашем разводе и только, об остальном речи не шло, так что, ещё раз говорю, руки убери!

Пока ещё муж, не привыкший к такому тону разговора, ошпаривает её хмурым взглядом, но объятья всё же разжимает, чем Дилара мгновенно пользуется и быстро направляется к машине.

Её бы воля, то поехала на своей, отдельно, но тогда наверняка возникнут вопросы от родных, к тому же детям не два месяца,

а шесть лет и слепотой с глухотой они не страдают, чтобы не заметить, что что-то не так. Гриша и без того уже около месяца живёт не дома, а объяснений почему так происходит у неё почти не осталось и правду не скажешь...

Да и как, вообще, эту самую правду вслух произнести, когда даже в мыслях её озвучить тошно и горько?

– Диль...

Кобелев, конечно же, оказывается у двери быстрее и галантно её перед ней распахивает, протянув ладонь, чтобы помочь взобраться на сидение, но растоптанная его стараниями женская гордость диктует свои правила, и Дилия, упрямо вздёрнув подбородок, забирается внутрь салона самостоятельно, показательно проигнорировав его учтивость.

Это, судя по напряженной линии челюсти, явно не приходится Кобелеву по вкусу и он сверлит её тяжёлым взглядом на протяжении долгих секунд сквозь стёкла очков, а потом с усмешкой выдаёт в своём стиле:

– Ла-а-адно, и не такие метели нам в ёбла летели. И закрывает дверь.

Вот же...!

Дилара прикрывает глаза и глубоко дышит, призывая себя к спокойствию. Вдох-выдох, вдох-выдох...

Он специально так делает. Специально провоцирует, зная, что она терпеть не может, когда он выражается при детях. Просто пытается проникнуть под броню и снова перевернуть внутри всё вверх дном.

Чёртов манипулятор! Почему она вообще прожила с ним столько лет, спрашивается?!

«Любила потому что» – шелестит на задворках. – «И сейчас любишь...»

От бессилия хочется рычать и снова плакать, но муж быстро устраивает детей в детских креслах на заднем сидении и сам, усевшись на водительское, внаглую сгребает её ладонь в свою и прижимает к губам.

- Не замёрзла, жизнь моя? – и не дожидаясь от неё ответа, поворачивается к Сашке, названному в честь деда, и Арише. – А вы?
- Не-е, папочка.
- Мне даже жарко, пап, – красуется перед отцом сын.
- Красавчики! Тогда погнали.

Отвоевать ладонь себе обратно получается не сразу, но Диля не сдаётся. В конце концов, она прошла шесть лет учёбы в меде, два года ординатуры, аккредитацию, беременность и тринадцать лет отношений с самым невозможным мужчиной на свете, с которым подумывала развестись в наступающем году, так что упрямства с упорством ей тоже не занимать.

Благо, выехав за город, Гриша выбирает безопасность вождения, а не доведение её до белого каления, и Диля сразу отворачивается от него к окну.

К этому моменту двойняшки, по своему обыкновению, на зависть другим родителям беспокойных в путешествиях чад, засыпают и необходимость делать вид, словно ничего не произошло, и у них всё по-прежнему, ненадолго отпадает. К тому же пейзажи снаружи достойны восхищения. Настоящая русская зима, яркое слепящее солнце, лес одетый, как счастливая невеста, в белое. Таких красот на Бали или в Тайланде, куда ломилась большая часть их знакомых с друзьями на праздничные выходные, не найти и тем более не заменить, кто бы что ни говорил.

Это время года, в целом, было её любимым. Оно ассоциировалось у неё с семьёй, праздниками, счастьем. Сын с дочкой родились в последних числах января, у мамы с папой в феврале годовщина свадьбы, а в первых числах декабря тринадцать лет назад ей повстречался человек, в которого Дилара влюбилась без памяти, ради которого пошла против родительской воли и которому подарила всю себя, не прося ничего взамен, став ему преданной женой и верным тылом.

- Жизнь моя, а помнишь... – начинает вкрадчиво муж, прекрасно зная ход ее мыслей в этот момент.

– Нет, – отрезает, не дав договорить.

За окном пролетает остановка рядом с небольшим населённым пунктом, очень похожая на ту, у которой они встретились в недавние и одновременно такие далёкие десятилетия.

– Диль, я тебя прошу, давай без этого, а? Я же к тебе со всей душой! У неё вырывается истерический смешок.

– Какая честь! Я польщена!

– Не дерзи.

– А ты мне не изменяй, Гриш, и я тогда дерзить не буду.